

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 3 (№), 2022

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Переводы

Томас МакГуэйн Не здесь, не тебе

РЕТИВОВА Ксения

студента 3 курса факультета экономики торговли и
товароведения, Российский экономический университет им. Г.В.
Плеханова (Москва),
kseniaretivova@gmail.com

У Кэри не было возможности пересечь границу. Пятиступенчатая ограда ранчо была на границе графства, шла на юг и вела его к каньону и диким лугам за его пределами. Он мог бы пройти весь путь до Угольной шахты и того места, где открывался вид на долину Боулдера. На юге он увидел лес, голые камни и сожженные корни деревьев от последнего большого лесного пожара. После пожара священник, который любил ходить пешком по горам, обнаружил волчьи капканы девятнадцатого века, прикованные к деревьям. Пламя и дым поднялись на высоту 40 тысяч футов - огненная буря, с молниями, дымом, который можно увидеть со спутника в Висконсине. Впереди были скошенные луга. Пространство, где ночью собирали овец, чтобы защитить их от медведей и койотов, было уничтожено. Усадьба, где вырос отец Кэри и где Кэри провел свои детские годы, находилась в узком каньоне перпендикулярно направлению преобладающих ветров. На талии, в поясной сумке, которую в спешке приобрел в магазине Уолмарт, он нес прах своего отца в пластиковой урне, выданной похоронным бюро вместе со свидетельством о кремации, которое требовала авиакомпания.

Когда-то эти прерии были полны жизни и надежды. Подтверждения этому были повсюду: заброшенные дома, заброшенные ветряные мельницы, фрагменты разбитых яблочных садов, сухие каналы, треснувший школьный звонок, поршень от старой машины для стрижки овец. Куда все подевались? Это была меланхоличная картина, но, возможно, она не должна была быть такой. Возможно, все отправились искать лучшего в другие места. Кэри знал здешние семьи достаточно хорошо, чтобы понимать, что все не так плохо; некоторые намеренно переехали за более комфортной жизнью, в то же время претендуя на былую славу борьбы своих предков. Там, где первые предгорья подходили к Йеллоустоуну, поднимался большой новый дом. Он как будто двигался, как будто куда-то направлялся. Он вытеснил собой лачугу наемного работника, ветряную мельницу, скотобойню и заслонил гортензии и лужайку.

После смерти отца Кэри улетел в Тампу, а затем уехал на север от общины пенсионеров, где его отец, одинокий в своем вдовстве, закончил дни в кондоминиуме. Кэри пересек Библейский Пояс, где "нас, народ", призывали объявить импичмент Баракку Обаме. Рекламные щиты вдоль этого тревожного шоссе предлагали своеобразный набор соблазнов: молитвы, черепа аллигаторов, травоядных оленей, булочки с пеканом, ириски. "Бар для голых с душем." "Вазектомия, наоборот." "Восстановление выгребной ямы." "Лазер Липо: Попрощайтесь с кексами и жирком на талии!" "Это Маленький Мир. Я знаю. Я создал его. - Господь." На автомобиле была вывеска с надписью "Я работаю для круиза" и мультяшный океанский лайнер, проходящий по всей длине заднего окна, с несуществующим капитаном, машущим с моста.

Нас, народ.

Кэри думал, что у его старика была замечательная американская жизнь. Он жил в усадьбе до окончания начальной школы, посещал маленький лютеранский колледж в Дакоте, летал на Дугласе А-4 Скайхоке по имени Тумблин Дайс во Вьетнаме, работал геологом по всему миру, пережил свою жену и их счастливый брак меньше, чем на год. Он провёл всего десять дней в хосписе, наблюдая за певчими птицами у кормушки и читая Уолл-стрит Джорнал, в то время как рак простаты уничтожал его кости. "Не могу сорваться и бежать, как раньше, - " предупредил он Кэри по телефону. Он умер со своей старой кошкой Фейт на коленях. Однажды он сказал Кэри: "Используя термины из психологии, можно сказать, что жизнь наполовину закончена к десяти годам." Для него десять лет означало волчьи ловушки в сарае, его собака, Чинк. 22 винтовки, ягнята, необразованные родители, которые разговаривали с ним на деревенском английском. Он вспомнил с гневным удивлением: будучи взрослым, он все еще иногда называл деловые споры "перебранками" или говорил о людях "в полете." Старик-летчик, оказавшись на кровати в хосписе, усмехнулся, сказал: "Сначала петух, потом метелка из перьев." Его врач дал ему прибор с морфином и показал, как пользоваться: или

небольшими дозами или с другой настройкой: "Если включить так, вы заснёте и не проснётесь." Его приятели из общины пенсионеров провели небольшую вечеринку, с текилой и музыкой на самодельном компакт-диске, которая заканчивалась повторением "The Letter", пока механик-носильщик, который обслуживал Тумблин Дайс не заменил ее на "Taps."

Кэри недолго пробыл в кондоминиуме, только чтобы встретиться с риэлтором и забрать некоторые вещи, включая свои детские фотографии. «Каким непривлекательным ребенком я был,» – думал он. Остальные фотографии - самолетов, пилотов, экипажей, лётные палубы. Судя по фотографиям в рамке, его матери было двадцать два года. Он взял в руки медаль ВВС своего отца, у которой не было ленты, но сердитый орел, сжимающий молнии, когда-то в детстве поразил его. "Та птица", как он ее называл. Он положил ее в карман и похлопал по нему. Он взял черно-белую фотографию загона своего прадеда с погрузочным желобом и телячьим сараем, а также бревенчатым домом на отдалении. "Мы жили в загоне", - пошутил его отец. Он просто сказал Кэри, что рос бедным. Он вспомнил своего деда, который основал ранчо, отковыривал монетки, чтобы купить табак, засовывал хлопок в окна, чтобы не появлялись мухи. Старик отшлёпал его только один раз, и это было за то, что он нарочно переехал курицу тачкой. Прадед Кэри был ковбоем, который пролетал сквозь стадо скота, как дым, который мог зашить вспоротое брюхо коровы в темноте шнурками и свиным хвостом. Его единственный ребенок, дед Кэри, ненавидел это место, почти не занимался им и отдал все, кроме усадьбы, в пользу страховой компании. Лудильщик и разнорабочий, маленький человечек в кепке, с красным носом, он управлял проектором в кинотеатре в городе. Когда отец Кэри вернулся домой с войны, он повел его к дедушке в будку; Кэри вспомнил старика, вытаскивающего углеродные стержни из проектора, чтобы прикурить сигарету. Неприятный старикашка, он посмотрел на Кэри, как будто не мог понять родства между ними, и сказал: "Ну, ну, ну." Годы спустя, его отец сказал, как будто что-то проглотил: "Папа был неудачником, всегда слетал с катушек. Моя мать сбежала во время войны, чтобы строить корабли. Больше не виделся с ней, никогда не общался. Папа смотрел на меня и говорил сам с собой: «Не могу понять, почему этот маленький сукин сын такой смуглый.» Разорился, пытаюсь продавать скороварки. Однажды, скрываясь, покинул город в Айдахо. Он сказал мне, что тяжело родиться на несчастливой земле." В проекционной будке дедушка Кэри сказал, что занят, и приказал Кэри исчезнуть. Отец Кэри остался, и Кэри услышал, как он сказал: "Господи помилуй, папа. Ты ругаешься."

Другой дед Кэри, знаменитый родитель матери Кэри, бывшей мисс Арканзас, или вице-мисс, в зависимости от того, кто рассказывает историю, был сумасшедшим предпринимателем по имени Й. Лонн Григгс, который заработал состояние на продаже болотных охладителей, восстановленных тракторов и витаминов. У дедушки Григгса были длинные седые волосы, как у проповедника, и, по словам отца Кэри, он был кривой, как задняя нога собаки. Он обожал Кэри, а Кэри любил его в ответ.

Чтобы добраться до каньона, Кэри пришлось обойти участок, с табличкой "Нет прохода", дом с круговой дорожкой, который выглядел как магазин тако на Западном побережье. Когда он проходил мимо, на лужайке появилась фигура, блеск бинокля, и в тот же момент ему подъехал вездеход. Кэри пошел вперед, его поясная сумка и ее содержимое стучали по спине, но больше табличек не было. Трудно сказать, как далеко простирался этот участок.

Водитель вездехода остановился у полыни, которая, как надеялся Кэри, сделает его менее заметным, спустился и повесил бинокль на руль. Он был там, было ясно, чтобы противостоять Кэри, и, хотя он, казалось, не спешил, Кэри почувствовал, что было бы неуместно продолжать свой путь. Он подождал, когда человек подошел, высокий, беловолосый парень в брюках цвета хаки и синей рубашке, со свирепой улыбкой на лице. Улыбка подсказала Кэри, что мужчина собирается представиться, но вместо этого он услышал произнесенное голосом, подобным колоколу, когда он приблизился: "Вы вторглись на частную территорию."

"Мне очень жаль, но я еду в дом моего дедушки, в устье того, - показал рукой Кэри, - большого ущелья."

Не изменив своей улыбки, человек сказал: "Там больше ничего нет. И я им владею."

"А", - ответил Кэри и продолжил свой путь.

Он услышал его крик: "Вы знаете нашего шерифа? Он родился здесь."

"Как и я", - сказал Кэри.

Это был прекрасный день для прогулки, и его душа была наполнена семейными воспоминаниями и воспоминаниями о девушке, на которой он женился и с которой он должен был остаться в браке. Его отец был недоволен им, его ролью в их расставании, болезненная мысль пришла только сейчас. Однажды он сидел с родителями на кухне, пока они разговаривали, не заботясь, слушает ли он. Часто они были пьяны, с тем размягченным взглядом, который нагонял на него страх. "Коп, - рассуждал его отец, - сказал, что я четыре раза пересекал жёлтую линию. Я сказал ему, что отвлекся, потому что ел. Полицейский говорит: «Я не вижу никакой еды». Я сказал: «Это потому, что я ее съел». Коп говорит: «Просто иди домой, ты пьян». Они довольно хихикали. Кэри вспомнил, как мирно они наслаждались этой историей; у них была своего рода компания, которая, как он предположил, сложилась, когда у его отца было неопределенное будущее летчика-истребителя, а его мать была женой летчика. Годы спустя, когда эти два красивых человека почувствовали усталость, одна из этих забавных историй переросла в ссору, и его мать уронила голову на стойку и плакала,

что она была Мисс Арканзас. "У меня было столько возможностей!" К тому времени они больше не делились этими моментами с Кэри, который, вертя пистолетом, услышал разговор с высоты лестницы. Потом они снова полюбили друг друга, и любовь, и ярость подпитывались алкоголем. Они считали это опьяняющим. К концу дня можно было почувствовать, как утомительна жизнь без этого опьянения. Со временем его отцу стало лучше; она сошла с ума, у нее были глаза енота и рыжие волосы. По ночам, когда она "делала свой номер"- пугающее представление из рыданий и отчаяния - его отец обращался к нему, чтобы объяснить: "Ситуация безнадежна, но не серьезна." Она вспоминала о том, что в нее были влюблены разные арканзасские землевладельцы. Кэри поймал взгляд отца. Его отец загасил улыбку, в то время как Кэри боролся с тяжелым ощущением. Если это было смешно, он не мог заставить себя смеяться.

Когда Кэри было двенадцать, его отец попросил его записать ее голос. Он думал, что это поможет, когда она, трезвая, сможет услышать себя. "У меня была прослушка!" Бывшая жена Кэри, нормальный человек, воспитанный нормальными людьми, была поражена изобретательностью неблагополучных семей. "Вы серьезно? Записывать свою собственную мать?" Его родители все больше полагались на электричество: электрокардиостимуляцию для больного сердца отца, шоковую терапию для мозга матери, провод для обретения себя. «Пришлось их подключить,» - Кэри объяснил своему терапевту. Ему почти нечего было сказать или услышать от терапевта, Доктор Что-то-или-другое. Кэри был там только для того, чтобы разобраться с лекарствами, но не затем, чтобы услышать, что в жизни есть что-то больше, чем просто поладить с предками. Зачем выбирать безнадежный случай?

Можно было и не понять, что усадьба когда-либо существовала, если бы не фрагменты фундамента, некоторые жизнестойкие цветы, и еще небольшой ручей с измененным руслом. Когда фермер разорился, пришли соседи, чтобы забрать все, что они могли использовать, даже бревенчатые стены. Здесь они оставили ванну, измельчитель и крышку стиральной машины. Кэри встал на колени, чтобы поднять ее и увидел густой серо-зеленый комок гремучей змеи. Он осторожно опустил крышку. Он энергично вытер пыль, поднял брови и выдохнул.

Вырытый вручную колодец был сухим, заполненный обломками разрушавшихся стен. Часть стены сохранилась, и здесь Кэри сбросил емкость с прахом своего отца и Вьетнамской медалью ВВС, прикрыв их остатками разрушенной стены. Его отец попросил его об этом: "Если тебе больше нечем заняться." Он подумывал взять какой-нибудь сувенир на память об этом месте и положить в свою теперь обвисшую поясную сумку, но ничто не привлекло его внимание. Честно говоря, не было ничего знакомого. Землевладелец стоял у забора, когда он проходил мимо. "Я же говорил, что ничего не осталось."

"Я хотел это увидеть."

"Увидеть что?"

Кэри вздрогнул. "Немного. Только крышку старой стиральной машины. Я давно спрятал под ней пять идеальных наконечников стрел. Они все еще были там! Я их не трогал." Кэри продолжал идти, когда услышал, как вездеход направляется к усадьбе. Когда он добрался до окружной дороги, его арендованная машина исчезла. "Что еще они придумают?" - размышлял он. Его ждала полуденная прогулка по открытой местности предгорья, снежный обрыв вдаль украшал ее. Птицы купались в пыли вдоль дороги, полевые воробьи, овсянки; луговые жаворонки раскачивались на стеблях коровяка и пели. Его отец шел по этой дороге в школу, где медвежата падали с маленьких яблонь, а девочки ездили на норовистых лошадях с ведёрками для завтрака, привязанными к седлам. Библиотека состояла из "Нэшнл Джограффикс", в которой восьмиклассники разглядывали груди африканских женщин, пока фермеры однажды не вырезали эти страницы.

Нет смысла пытаться поймать попутку. Кэри шел уже больше часа мимо заброшенной школы и качелей без сидений, когда мимо промчалась немецкая машина с кем-то, развалившимся на пассажирском сиденье. Он повернулся спиной к облаку пыли.

Город располагался у подножия холма: церковная башня, киоск с рутбиром, бездомная собака, спящая на солнце, недавно посаженные зеленые ясени вдоль первой улицы, грузовик, торгующий персиками штата Вашингтон, мотель с антисанитарным видом, четыре элитных седана с нездешними номерами, припаркованные перед входом. Отель типа "постель и завтрак" в узком дощатом доме выглядел достаточно гостеприимно, и он забронировал номер, несмотря на общий туалет с невидимой кашляющей дамой за ним. Босые ноги хозяйки выглядывали из-под ее хлопчатобумажного платья до пола; он подсчитал ее пирсинги, пока отсчитывал деньги за комнату. "Пользуйся", - сказала она, это выражение всегда беспокоило его своей незавершенностью. "Без чемодана?" Она потянула прядь своих волос.

"В моей машине".

“Где твоя машина?”

“Хотел бы я знать”.

Он позволил ее недоумению повиснуть в воздухе, не вдаваясь в подробности.

Копы заперли машину на штрафстоянке с цепями. Двести пятьдесят долларов. Офицер за стойкой ел йогурт и положил ложку в чашку, чтобы взять деньги свободной рукой. Кэри, возвращаясь, чтобы умыться и почистить зубы в общем туалете, остановился у клиники, зашел в отделение неотложной помощи и спросил о своем друге с укусом гремучей змеи. Можно ли будет быстро навестить пациента, узнать, не нужно ли ему чего-нибудь?

Землевладелец был теперь гораздо менее бодр, в своей комнате, спинка кровати была поднята, рядом с ним стояли ледяная вода и зеленое желе. “Почему у тебя фиолетовая рука?” - спросил Кэри. Пациент вздрогнул, но ничего не ответил. Он просто закатал рукав, чтобы показать следы клыков. “Подумал, что мне стоит проверить”, - сказал Кэри. “Вернул машину. Эй, держи нос выше!”

Он нашел уличную садовую выставку всего в двух кварталах от Б.и Б., в основном с однолетними растениями, но запах был божественным, в сочетании с эликсиром старых вечнозеленых растений на лужайках перед домом. В маленьком белом домике красовалась красная кормушка с жидкостью, в которой жужжали колибри. Он купил бутылку “Серого гуся” в государственном винном магазине рядом с банком Стокмана и использовал ее, чтобы заманить хозяйку в свою комнату. Все прошло хорошо, несмотря на то, что пожилая дама по соседству пыталась все испортить своими театральными приступами кашля. “Мы так чертовски пьяны”, - невнятно пробормотала хозяйка в подушку. Кэри пробормотал: “Конечно, так и есть, но мы это сделали”. Он позаботился о том, чтобы его страдания были незаметны. Она села прямо, чтобы посмотреть на него и спросить, гордится ли он собой, но он уже спрятался во сне. Последнее слово, которое он услышал, было “классика”.

Он вернул арендованную машину на переполненную стоянку аэропорта Биллингса. Парктроник удерживал его от мелких ошибок, маленький резервный телевизор был подарком после похмелья. Завтрак в Миннеаполисе восстановил его силы, прежде чем он сел в самолет, чтобы завершить последний этап путешествия на Восток, он рухнул в кресло в ряду у выхода. Он смутно осознавал, что стюардесса читает правила безопасности для этого ряда; когда она спросила, готов ли он выполнить эти условия, он потерял ход мыслей и спросил, есть ли план, в котором он мог бы отметить. Примечание для себя: продолжить сеансы терапии.

Идеальный сон в его милой маленькой квартирке с удобными креслами и кроватью, его любимыми картинами, видом на приятный парк. Иногда, глядя на него, он думал: “Ни общей лестницы, ни вида на парк”. Он наткнулся на трех приятелей на привычном месте в кафе, где завтракал: Мэри Лу, врач, в шляпе Кабс; Джек с этим потрясающим портфелем; Мими, девушка, занимающаяся йогой с американским флагом в зубах и физиотерапевт. Он сделал все возможное, чтобы поддержать радостную болтовню, прислушиваясь к шуму с улицы. “Вы рады меня видеть, не так ли?” - спросил он. Это все остановило. Зачем ему нужно было спрашивать? Он продолжил рассказывать о некоторых подробностях жизни американского Запада, но уже по инерции, его новости были недостаточно экзотическими, чтобы изменить разговор за столом. Для них в его рассказе не было ничего необычного; они не раз видели пустые грунтовые дороги.

Дома он просмотрел несколько черновиков, прежде чем отправиться в свой кабинет. Зазвонил телефон, его бывшая жена: “Мне заехать к тебе?” Какой красивый голос, подумал он, какая красивая девушка. Неужели я не могу найти в себе силы для этого? ♦

Опубликовано в журнале "Нью -Йоркер" 18 октября 2021 года.

Томас Макгуэйн начал публиковать публикации в "Нью-Йоркере" в 1994 году. Его последняя книга - “Взрывы облаков: Собранные и новые истории”.